

1. Винограй Э. Г. Основы общей теории систем. Кемерово: КемТИПП. 1993.
2. Винограй Э. Г. Общая теория организации и системно-организационный подход. Томск: Изд-во ТГУ, 1989.
3. Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник. М.: Наука, 1981.
4. Винограй Э. Г. Философия. Систематический курс. Кемерово: Издательский дом «Азия», 2003. Ч. 1.
5. Винограй Э. Г., Кучерявенко В. С. Варианты развития методологических процедур системно-диагностического анализа сложных объектов // Новые технологии в научных исследованиях и образовании: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Юрга, 2001.
6. Система. Симметрия. Гармония / Под. ред. В. С. Тюхтина, Ю. А. Урманцева. М., 1988.

А. С. Табачков
г. Витебск

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО И ДИНАМИКА ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Эволюция той или иной научной дисциплины понимается обычно как изменение в ее методологии и понятийном аппарате. Однако для социально-гуманитарного знания, которое весьма сильно интегрировано в общую динамику социума, причиной качественных изменений являются проходящие на общекультурном уровне трансформации, в том числе и таковые его непосредственных объектов, будь то текущая политика или актуальные нарративы исторического¹. Наш анализ проблематики взаимовлияния процессов интерпретации прошлого и общей динамики социально-гуманитарного знания разумнее будет начать с факторов, ответственных за общий характер ситуации.

В социумах современного типа очень велика роль средств распространения знания. Нельзя, в частности, не отметить, большого влияния на динамику социально-гуманитарного знания тех изменений, которые произошли в системе образования. Мы имеем в виду, разумеется, не внешние, по своей сути, административные реформы, а те глубокие и тесно связанные с общей духовной эволюцией Запада перемены, которые произошли за последние пятьдесят лет и которые так сильно повлияли на очень важный для данной цивилизационной модели концепт — концепт университета, о котором Ж. Деррида однажды сказал, что в западной культуре

«это был концепт самого разума» [1, 20] (здесь и далее перевод мой. — А. Т.).

Эти перемены сильно изменили, прежде всего, стандарты знания, тот комплекс критериев, в соответствии с которым оценивается конечный продукт индустрии его производства. В интересующей нас области взяли верх тенденции к упрощению и приспособлению текстов, к приведению их к уровню некоего, естественно гипотетического, среднего реципиента. Проявились эти тенденции не только в политологии, которая и так всегда располагалась где-то между властью, массовой культурой и собственно наукой, но и в социологии и историографии. Сам факт появления и широкого распространения здесь термина «потребитель», равно как и серьезно обсуждающийся в некоторых странах тезис об образовании как о сфере услуг, свидетельствуют в пользу того, что отношение к знанию изменилось достаточно радикально.

Стремление к максимальной доступности текстов вначале было, по-видимому, просто следствием конкурентной борьбы, проходившей на фоне значительных перемен в классовой и расовой структуре учащихся, в условиях идентичной коммерческому предприятию, по крайней мере, в том, что касается способов и идеологии управления, высшей школы. «Капитуляция университета перед насущными человеческими потребностями» [2, 435], как это ни парадоксально, может иметь своей причиной стремление к их максимальному удовлетворению.

Хотя вначале эти тенденции проявились лишь в учебных текстах, со временем они, что вполне закономерно, стали значительным моментом в динамике социально-гуманитарных дисциплин² и в общественном сознании. Такому развитию способствовало и то обстоятельство, что эта область знания вообще исключительно сильно зависима от общей социокультурной ситуации, дистанцироваться от которой она по понятным причинам не может.

Нужно заметить, что в целом детерминация социокультурной средой процессов интерпретации прошлого происходит на разных уровнях и имеет различную полярность: субъекты — агенты производства знания по-разному позиционируют себя и соответственно, сознательно или нет, ориентируют свою деятельность. Помимо индивидуального уровня, большое значение имеет также позиция конкретной институализированной ассоциации производителей знания, к тому же не следует забывать, что такие ассоциации сами чаще всего имеют иерархическую структуру и, соответственно, собственную циркуляцию знания / власти и собственную социокультурную микросреду.

Сам процесс этого влияния при всей его сложности может быть разделен по типам механизмов его осуществления. Среди них наиболее важными видятся следующие: делимитация областей возможных интерпретаций, а также модификация в свою пользу так называемого беспредпосылочного знания, этой весьма существенной составляющей процессов общей динамики знания, осуществляемая путем распространения через образовательную и другие системы комплекса «легитимных» методологических, идеологических и общекультурных установок. При этом самым действенным из способов вмешательства собственно власти видится контроль ею источников информации о прошлом — архивов, библиотек и пр., при этом, однако, эффективно не полное сокрытие всех возможных источников, как раз создающее пространство для фантастической, по своей сути, реконструкции, но гибкая программа селекции и направленной интерпретации, осуществляемой прямо аффилированными с властью институтами производства знания. Не имея возможности воздействия на фактическое прошлое, власть достаточно успешно использует его актуальную составляющую.

Прежде чем перейти к одному из ключевых вопросов данной проблематики — динамическому балансу между воспроизведением уже интерпретированного и реинтерпретацией — необходимо коснуться следующего, также весьма важного, аспекта: самой *объектности* прошлого.

Постановка вопроса о прошлом как объекте, причем объекте, наделенном необычно мощной потенцией влиять на характер процессов его изучения, требует определения основных конститутивов самой ситуации, в которой происходят интересующие нас процессы. Прежде всего, правильным, с методологической точки зрения, будет обсуждение не прошлого как такового в качестве некой детерминирующей тотальности, но события. Причем речь идет не о событии — элементе хронологической последовательности; а о его актуальном для динамики знания культурном воплощении, то есть о событии как комплексе конкурирующих или комплементарных интерпретаций.

Во-вторых, следует учитывать то, что историческое прошлое всегда содержит в себе этическую составляющую, обойти которую при его интерпретировании невозможно. Это обстоятельство, в свою очередь, усложняет саму ситуацию познания и требует от исследователя как-то позиционировать себя по отношению к этической проблематике, обязательно содержащейся в любом значимом событии прошлого. При этом неизбежно задействуются те механизмы синтеза, благодаря которым интерпретации историчес-

кого и являются столь важными элементами общей социокультурной динамики.

И, наконец, роль творческого участия агента познания в формировании конкретного результата работы, представленного обычно как интерпретация или чаще реинтерпретация события, чрезвычайно велика. Во многом это объясняется мощной креативной составляющей, присущей интерпретации как методу познания. Фридрих Ницше писал: «Ценность мира заключена в нашей интерпретации..., любое возвышение человека сопровождается преодолением узких интерпретаций» [3, 330].

Историческое прошлое благодаря своим феноменальным особенностям не может быть помещено познанием в «идеально изолированную систему истины» [4, 50], будучи частью темпоральной проекции бытия, любое событие в своем сущностном конституировании зависит от последующего развития. Однако из этой линейной, «грамматической» онтологической особенности вовсе не следует невозможность познания и соответственно необходимость поиска альтернативы когнитивным методам.

В действительности происходящее может быть описано как сообщение — в акте познания, прошлым своего главного качества, а с ним и способа бытия — историчности. Результат познания прошлого никогда не есть сумма конечных пропозиций, это всегда этап принципиально бесконечного процесса актуализации. Именно поэтому всегда открытая для изменений интерпретация и является основной формой присутствия прошлого.

Игнорирование этих фундаментальных особенностей прошлого как объекта познания является основной причиной неудач многих социально-гуманитарных проектов. Нормой все еще остаются попытки адаптации методов и концепций естественных наук; так, типичным способом анализа события по-прежнему является выведение его из суммы причин и предпосылок, т. е., по сути, это не что иное, как так называемая факторизация, применяемая в математике для анализа больших чисел. Налицо также превалирование фактографического подхода над интерпретацией и связанное с этим стремление автора максимально дистанцироваться — в плане, прежде всего, личного суждения — от материала, призванное, по видимому, придать последнему большую объективность, но на деле оборачивающуюся зачастую серьезным снижением научного качества работы, публикацией, по сути, промежуточных результатов.

Обращаясь теперь к анонсированной ранее теме — динамическому балансу между воспроизведением уже интерпретированного и реинтерпретацией — следует прежде всего сказать, что этот,

несомненно, диалектический баланс является интегральной частью общей динамики развития социума. Поэтому характер общества, степень его открытости, оказывают непосредственное влияние на интересующее нас соотношение, вплоть до полной терминции любых попыток переосмысления исторического прошлого.

Значимые качественные изменения социокультурной ситуации, такие, как появление новых средств распространения информации, достижение большинством населения определенного уровня образованности, также сказываются на этом балансе; подобные изменения создают дополнительное пространство социокультурной реализации проектов реинтерпретации и одновременно затрудняют простое воспроизведение ранее созданных дискурсов, осуществляемое институализированными структурами — образования, государственных СМИ, идеологического аппарата власти. Эти изменения создают предпосылки роста критичности и креативности общественного сознания, меняя посредством этого стандарты предназначения для массовой репрезентации знания о прошлом, а с ними и сам характер процесса его создания.

Взяв за основу такой критерий, как частота попыток реинтерпретации, можно структурировать всю совокупность историографических дискурсов по степени их актуальной востребованности, хотя полученная таким образом картина и не будет полностью соответствовать реальности. Дело в том, что, как мы уже отмечали ранее, некоторые события, в особенности события трагические, создают достаточно устойчивые «опасные зоны». Действующий в таких пространствах прошлого автор вынужден постоянно считаться с риском острой социально-политической реакции на его реинтерпретацию; это обстоятельство, разумеется, сказывается и на частоте обращения к подобным темам и на характере получающих в итоге признание и право на распространение дискурсов.

В акте реинтерпретации находит свое выражение определенное недоверие к тому или иному фрагменту унаследованного исторического предания. В каком-то смысле вновь вопрошающий прошлое исследователь надеется, что ему, наделенному большей мерой понимания, чем его предшественники, оно «расскажет» иную, более правдивую и более значимую историю. Важной частью процесса реинтерпретации поэтому является критическое отрицание соответствующих ранее созданных дискурсов. Это отрицание может исходить из нового прочтения фактологического паттерна, иницируемого иногда его прямой модификацией — находкой новых артефактов либо выявлением ошибок или фальсификаций.

Не стоит, однако, переоценивать этот комплекс причин созда-

ния реинтерпретаций, обретение новых артефактов, а тем более дисквалификация уже имеющихся, лишь иногда не являются результатами целенаправленных усилий; как мы уже отмечали ранее, новое предопределяется характером его поиска. Ищущий, коль скоро он знает, что именно он ищет, уже обладает некой прото-реинтерпретацией.

Более важной, на наш взгляд, причиной создания реинтерпретации является интуитивно или сознательно воспринимаемое будущим автором несоответствие между существующим дискурсом или, чаще, комплексом взаимообосновывающих дискурсов и потребностями актуальной социокультурной ситуации. При этом реинтерпретация никогда не бывает, как это иногда пытаются формулировать, просто новым прочтением прошлого. Момент отрицания предшествующих дискурсов является в действительности конститутивным; реинтерпретация — это акт идейного противостояния. Основой реинтерпретации при этом часто становится реверсированная смысловая конструкция оппоирующего дискурса, трансформации подобного рода характерны, например, для известной российской дискуссии славянофилов и западников.

В онтологическом плане последовательность реинтерпретаций выступает как смена этапов реализации значимого события. Необходимость каждой новой реинтерпретации подготавливается изменениями социокультурного пространства, дискурсивная форма существования события каждый раз требует модификации, в противном случае, обусловленное его влиянием на современность развертывание события может прекратиться, и его эффективная смысловая составляющая перестанет оказывать какое-либо влияние на процессы в мире. Таким образом, палицо онтологическая необходимость постоянной реинтерпретации комплекса дискурсов исторического наследия. Социумы, где подобные процессы затруднены, например, чрезмерным вмешательством власти, могут просто лишиться прошлого как фактора собственного развития.

Сегодня, в эпоху весьма развитых и разнообразных средств воздействия на сознание, вопрос автономии личности как условия культурного и антропологического прогресса обретает чрезвычайную остроту. Помочь освободиться от навязанной идентичности, причем помочь эффективно и, главное, предложить позитивную, а не пигилистическую альтернативу, может именно критическая реинтерпретация прошлого. В свете этого задача прогрессивных интеллектуальных сил видится в создании таких культурных условий, которые способствовали бы людям в их усилиях, как писал М. Фуко, «разрушить тюрьмы приобретенной не по своей воле

идентичности» (цит. по: [5, 57]). Следует заметить, что эта большая и важная задача одинакова, в своей сути, как для широких слоев общества, так и для профессионалов социального знания, вовлеченных в практику интерпретирования прошлого.

Самым радикальным было бы дальнейшее развитие этой практики по аналогии с преобразившей в свое время институционализированную религию тенденцией к приватизации. С преимущественным перемещением прошлого из социального в личное пространство, с интерпретатора прошлого снялась бы, по крайней мере, часть задачи этической оценки события, а вместе с этим уменьшилась и непомерная сейчас ответственность; в любом случае желательной видится некая «реформация», реформа статуса и функции уже несоразмерной фигуры историка-толкователя смыслов прошлого, нечто похожее в своей сути на метаморфозу клира в протестантизме.

Очевидно также, что и философия истории, и вообще все поддерживающие социально-гуманитарное знание области теоретического, должны по-иному сформулировать свои основные задачи. Необходимость этого хорошо видел, в частности, Т. Адорно, который писал: «Не дело философии выхолащивать вещи, согласуясь с научной методой, сводить феномены к минимуму пропозиций... вместо этого мы стремимся в философии к растворению себя в разнородности вещей... избегаем помещать их в заранее приуготовленные категории» [6, 13].

Однако коренная трансформация знания о прошлом происходит уже сейчас, не дожидаясь появления и широкого принятия новых историко-философских и методологических концепций. Эта трансформация диалектична в своей природе и обусловлена, прежде всего, количественным ростом корпуса конкурирующих интерпретаций значимых событий прошлого, а также постепенным и вынужденным отказом власти от жесткого контроля сферы производства и распространения знания и от навязывания унифицированного исторического нарратива. Постепенно меняется, становится диалогичной сама схема социокультурной реализации историографических и иных дискурсов, все большую роль в которой начинает играть критическая реакция аудитории.

В этих условиях не могли не начаться такие процессы, как, во-первых, пересмотр роли интерпретатора и соответствующих структур институционализованного знания в деле толкования значимого прошлого и, во-вторых, процесс постепенного принятия социумом прошлого как сущностно альтернативного; две эти тенденции представляются нам наиболее важными на данном этапе эволюции познания исторического.

В широкой, общекультурной, перспективе постоянное познание и толкование прошлого — это естественный для наделенных даром критического мышления и потенцией креативности индивидуумов, процесс. Динамика этой сферы знания складывается из обмена вновь создаваемыми и модифицируемыми, в актах реинтерпретации, дискурсами. Исходя из этого, можно утверждать, что чем меньше разного рода преград будет стоять на пути этого обмена, тем более продуктивной будет сфера интерпретации / реинтерпретации исторического прошлого. Нужно также заметить, что получившая благодаря техническому и экономическому прогрессу совершенно новые средства прямой двусторонней коммуникации аудитория в будущем станет весьма важным фактором динамики этого вида познания. Постепенно исчезающее уже сейчас жесткое, кастовое деление на специалистов и пассивную публику в будущем позволит привлечь к осмыслению прошлого людей с совершенно иным, чем у типичного гуманитария-историографа, складом мышления, лишенных внедренной системой образования ригидного комплекса «безпредпосылочного знания» и методологических стереотипов.

Мы, разумеется, вовсе не призываем к упразднению институализированных структур производства и распространения знания. Нам, тем не менее, представляется, что они, оказавшись однажды, пусть и несколько неожиданно для себя, в центре широкой, плюралистической дискуссии о прошлом, просто вынуждены будут измениться. Внутри них постепенно изменится соотношение между администраторами от науки и людьми подлинно творческими, постепенно изменится психосоциальный микроклимат этих учреждений. Одновременно с этим будет, как мы надеемся, уменьшаться частота и сила интервенций власти в динамику создания дискурсов исторического прошлого.

Возможно, что мы слишком оптимистичны, но нам кажется, что область познания и толкования прошлого ожидает этап весьма позитивного развития.

¹ Как показали события конца минувшего столетия, прошлое как актуальная для социокультурной динамики проекция определенных событий подвержено быстрым и радикальным переменам, которые инициируются отнюдь не институализированными структурами знания.

² Возникнув в США, эти изменения со временем приобрели глобальный характер.

1. Derrida J. The principle of reason. *Diacritics*. 1983. Vol. 19. P. 12–46.

2. Оптега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.

3. Nietzsche F. *The will to power* / Trans. W. Kaufmann, R. Hollingdale. N. Y.: Vintage Press, 1968.

4. Husserl E. Inaugural lecture 1917 // Husserl: shorter works. Indiana: University of Notre Dame Press, 1981. P. 46–62.
5. Best K., Kellner D. Postmodern theory. N. Y.: The Guilford Press, 1991.
6. Adorno T. Negative dialectics. London: Routledge, 1973.

Н. А. Скоробogaцкая
В. В. Скоробogaцкий
г. Екатеринбург

КЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ПОЗНАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВА ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СВЕТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

С течением времени становится явным, что современное обществознание, в том числе и философия, переживает период застоя. Перемены в этой области чрезвычайно поверхностны: обновляются темы, лексикон, цитируемые авторы, но сохраняются парадигмальные основы этого отношения, заложенные в далекие 1930-е годы. Известно, какую встряску получило обществознание с появлением концепции локальных цивилизаций О. Шпенглера. Почти одновременно нечто подобное произошло в естествознании с появлением теории относительности А. Эйнштейна, а в психологии — с появлением психоанализа З. Фрейда. К сожалению, советское обществознание и психология сумели выстроить защитную стену против «безумных» (по Н. Бору) идей и радикальных подходов новейшей науки. В советской России под флагом идеологизации науки и образования на самом деле были законсервированы базовые принципы классической науки. Консервация основ классической науки у нас была более глубокой, системной и продолжительной, чем на Западе. Маркс, Дарвин и Сеченов были объявлены неприступными горными вершинами, на склонах которых копошилась армия марксистских обществоведов, мичуринских биологов и павловских психофизиологов.

Насильственное (идеологическое) закрепление в отечественной науке установок, сформировавшихся в Новое время, оказало тормозящее воздействие на ее развитие и предопределило обособление и отставание советской науки от мировой. Особенно ярко это проявилось в области социального познания как объекта первоочередного внимания и контроля со стороны идеологических органов. Это обусловило, во-первых, возникновение пропасти между социальной реальностью и предъявляемым ею типом современных проблем и задач, с одной стороны, и теоретико-методологическим